

Вань Яо — её духовная обитель — парила на краю сознания, словно окутанная густым туманом стеклянная жемчужина. Внешний слой тумана переливался слабым семицветным сиянием: это было слабое духовное свечение, которое самопроизвольно источала обитель.

Сама она сидела, скрестив ноги, на белых нефритовых ступенях в центре обители. Поверхность ступеней, гладкая, как зеркало, отражала её силуэт в белоснежной ночной сорочке. Сорочка была завязана небрежно, ворот сбился, обнажая ключицы — их четкие, словно высеченные резцом линии напоминали о пятистах годах тренировок тела, которые она прошла в прошлой жизни как совершенствующаяся.

Подол сорочки касался каменных ступеней, открывая изящные, но крепкие лодыжки. На одной из них виднелась красная нить с крошечной, размером с рисовое зернышко, жемчужиной. Она носила её ещё до перемещения в этот мир и была удивлена, обнаружив, что украшение осталось на ней и после захвата чужого тела.

Прежде мягкое и нежное тело императрицы теперь, благодаря этой внутренней силе, напоминало красную сливу посреди метели — гибкую, но стойкую.

— Отсутствие духовных каналов — сплошная морока, — она со вздохом смотрела на поникшее духовное растение, кончиками пальцев поглаживая узоры на его листьях.

Это была капля-трава. Её листья, которые должны были быть прозрачными и чистыми, сейчас пожелтели и лишь слегка распрямились от тепла её пальцев.

Экосистема её обители держалась исключительно на её тщательных расчетах. Стоило разорваться хотя бы одному звену, как всё начинало стремительно увядать. Огненной стихии требовалось огромное количество духовной энергии и камней для восстановления. Если она вытянет всю энергию, цикл будет нарушен. Духовные растения, конечно, вырабатывали энергию, но без подпитки они погибли бы, и её обитель постепенно превратилась бы в мертвое место.

Поэтому, как только Вань Яо осознала, что в этом мире нет духовной энергии, она наглухо заперла врата своей обители, не выпуская наружу ни крупницы.

На панцире гигантской черепахи в озере обители росла духовная трава. Когда черепаха плыла, за ней тянулись цепочки жемчужных пузырьков, внутри которых мерцал свет. Когда они лопались, в воздухе разливался тонкий аромат трав и деревьев.

Вань Яо поднялась, подол её платья скользнул по моху на ступенях, обнажая мягкие сапожки с вышитыми облачными узорами. Подошвы, прошитые в тысячу слоев, ступали по нефриту бесшумно.

Сейчас её рост составлял почти шесть чи, она была выше большинства наложниц во дворце. Когда она облачалась в императорское одеяние, подол ниспадал водопадом, а при ходьбе

чувствовалась скрытая в ногах и пояснице мощь — в ней сочетались и подобающая императрице величавость, и невыразимая статная сила.

— Хорошо, что я когда-то изучала экологические циклы, — она наклонилась, чтобы подкормить духовного оленя, и её пальцы приятно зашевелил шершавый язык животного. Олень был белоснежным, лишь на лбу алело пятнышко. Она спасла его из логова демонических зверей еще в юности, и сейчас он ласково терся головой о её ладонь.

Ладони у этого тела были шире, чем у обычных женщин, на подушечках пальцев чувствовались легкие мозоли от меча, но кожа оставалась нежной благодаря постоянному уходу. Она мягко погладила оленя по ушам — этот контраст выглядел довольно мило.

Когда она вернулась в свои покои, медное зеркало отразило ухоженное лицо. После очищения духовной энергией холодная бледность, вызванная жемчужной пудрой, исчезла, а на щеках проступил здоровый румянец — результат правильного питания. Глазницы были чуть глубже, чем у обычных людей, а радужка — глубокого черного цвета, как застывший в воде тушевой камень.

Она слегка растянула губы в усмешке. Лицо императрицы, обычно застывшее в строгой маске, вдруг оживилось, словно на ледяной глади реки появилась трещина, сквозь которую пробилась весенняя вода.

Разумеется, чтобы не привлекать внимания старого императора и не выдать себя, Вань Яо почти не покидала дворец. Когда дети приходили засвидетельствовать почтение, она принимала их, не вставая с кушетки. Так, даже если бы она поднялась, разница в росте в десяток сантиметров не была бы столь пугающей.

На праздничном банкете в честь Праздника середины осени Вань Яо заметила красавца и на мгновение замерла. Нефритовая чаша в её руке была прохладной, и это ощущение помогло ей яснее осмотреть зал.

Её взгляд проскользнул сквозь толпу и остановился на Линь Юньфэне, сидевшем в углу.

Мужчина был в инвалидном кресле, но это ничуть не умаляло его стати. Темно-синий парчовый халат облегал широкие плечи и узкую талию, в вырезе ворота виднелась полоска медовой кожи. Даже под тканью угадывались мощные, рельефные грудные мышцы.

Несмотря на долгое пребывание в четырех стенах, его кожа сохранила здоровый оттенок, как у закаленной в огне стали.

Вань Яо подумала: Нравится! Хочу!

Лицо мужчины тоже было безупречным. Линия челюсти — резкая и холодная, нос прямой, с

горбинкой, тонкие губы сжаты в жесткую линию. И лишь густые, длинные ресницы отбрасывали на лицо мягкую тень, словно вуаль, смягчавшую его суровый вид.

Вань Яо долго размышляла и наконец вспомнила: это же великий генерал Линь Юньфэн!

Его отец, верховный генерал Линь И, и трое братьев погибли на фронте. Из-за несвоевременной поставки провианта они попали в засаду врага и были убиты. Линь Юньфэн выжил, но повредил ноги. Он мог бы поправиться, но придворный лекарь, движимый злобой, перерезал ему сухожилия на коленях, лишив возможности ходить навсегда.

И в этом была вина прежней владелицы тела.

Вань Яо почесала затылок, не смея произнести ни слова. Она тихонько чертыхнулась. Ведь именно прежняя императрица приказала лекарю не только искалечить его ноги, но и лишить род Линь продолжения. Бесцветный и безвкусный яд, подмешанный в лекарство, незаметно уничтожил его мужскую силу.

Если спросить, зачем она это сделала — причиной была сестра Линь Юньфэна, родившая императору сына. Тот принц был не только умен, но и пользовался поддержкой народа, став серьезным соперником наследного принца. Императрица боялась, что род Линь возродится, а принц в будущем сведет с ней счеты, вот и нанесла такой удар. А когда Линь Юньфэн стал калекой, принца быстро отстранили от власти, и императрица нашла способ избавиться от него чужими руками.

Жестоко, прежняя императрица была по-настоящему жестока!

Линь Юньфэн не только лишился ног, но и стал бесплодным, и эта позорная новость, словно на крыльях, разлетелась по всей столице. Золотая молодежь при дворе любила сочинять о нем шутки, называя его бесполезным калекой, чьи предки теперь должны стыдиться того, что род прервался.

Проезжая в кресле мимо ресторанов, Линь Юньфэн слышал насмешки со второго этажа. Кто-то передразнивал его походку, кто-то вопил: Жаль великого генерала, такой талант, а даже детей завести не может, толку от него меньше, чем от дворовой собаки.

Эти слова, словно отравленные иглы, вонзались в уши. Он впивался пальцами в подлокотники кресла так, что на дереве оставались глубокие следы.

Конечно, без попустительства императора никто не посмел бы так открыто издеваться над семьей, пять поколений которой верно служили стране.

Линь Юньфэн всё понял и с тех пор перестал выходить из дома. Но император решил добить его: в Праздник середины осени он издал указ, принуждающий генерала явиться во дворец.

Свет свечей на банкете слепил глаза. Император, обнимая красавиц, то и дело бросал косые взгляды на Линь Юньфэна, словно любуясь занятой игрушкой. Аристократы, попивая вино, то и дело скашивали глаза на искалеченные ноги генерала с едва заметными ухмылками.

Линь Юньфэн сидел в углу, выпрямившись, словно железный прут, хотя мышцы под халатом свело от напряжения. Он чувствовал эти взгляды — сочувствующие, насмешливые, злорадные — тысячи тонких игл, впивающихся в него.

Сын министра чинов, изрядно выпив, заплетающимся языком выкрикнул: Генерал Линь, говорят, ваша болезнь... даже лекари бессильны? Может, брат подсобит вам народным средством?

Под взрывы хохота император неторопливо произнес: Генерал Линь — опора государства, и даже если он не может ходить, я не оставлю его без внимания.

Он хлопнул в ладоши, и евнух поднес шкатулку: Здесь целебные снадобья, возьмите, поправьте здоровье.

Эта забота звучала для Линь Юньфэна оскорбительнее любого ругательства. Глядя на фальшивую улыбку императора, он внезапно понял: император вовсе не ценит род Линь, он просто выставил его на всеобщее обозрение, чтобы через его унижение подчеркнуть собственную милость.

Линь Юньфэн опустил глаза, скрывая кровавый блеск в зрачках. Он залпом выпил вино, и в горле словно вспыхнул огонь. Лунный свет пробивался сквозь узорчатые окна, отбрасывая холодную тень на его искалеченные ноги, словно навсегда сковывающие их цепи. Он понял: из этой тюрьмы унижения ему уже не выбраться.

— А ведь хорош собой, — Вань Яо пригубила вино, в её глазах мелькнула хитринка.

Вино приятно обожгло горло, но на душе было гадливо. Она презирала старого императора и всех этих придворных. Вань Яо не понимала, как им вообще удастся смеяться. Неужели, видя судьбу рода Линь, они не боятся, что однажды и их постигнет участь верной собаки, которую съели, когда нужда в ней отпала? Разве не должны они быть охвачены страхом и стремиться к самосохранению?

Она пригляделась внимательнее.

Вань Яо: А, понятно. Умные и влиятельные сановники либо уже мертвы, либо ушли.

Вань Яо: Эх, хотела было стать императрицей, да ну их. Пусть с этим бардаком разбирается сын прежней владелицы, а я лучше пойду поищу себе красавчика для развлечения.

<http://bllate.org/book/18849/1837690>